

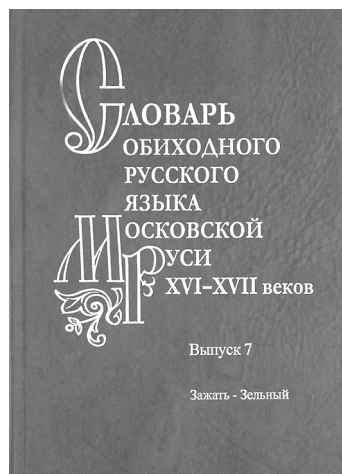
СЛОВАРЬ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.

Вып. 7: Зажать — Зельный / Под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. — СПб.: Наука, 2016. — 303 с.

В эпоху «словарного бума», когда словари различного содержания издаются в огромном количестве, когда статус и назначение многих из них сложно определить, когда размываются границы принятых в традиционной лексикографии типологий, работа над подлинно научным лингвистическим словарем, которую много лет ведут работники межкафедрального Словарного кабинета им. Б. А. Ларина СПбГУ и сотрудники Института лингвистических исследований РАН, следует признать благородным и — даже — миссионерским делом. Словарь, именно такой — подлинный, продуманный, ладно и с любовью составленный лингвистами-профессионалами, пожалуй, есть самая объективная и верная история народа и страны, а потому имеет несомненную вневременную ценность — научную и нравственную.

Осуществляя заветную идею проф. Б. А. Ларина («создать словарь русского средневековья, чтобы он послужил основным фондом и русской исторической лексикологии, и всяких исследований по истории русской культуры, воззрений и обычаев, нравов и верований, и общего исторического словаря русского языка, и для разработки ряда теоретических проблем»¹), сегодняшние авторы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ) — уже третье поколение создателей! — строго следуют основным, принципиальным, положениям концепции Словаря, его Инструкции, во многом изложенным в трудах отца-основателя СОРЯ, а также методам и способам описания лексики, выработанным в ходе исследовательской лексикографической работы над СОРЯ в постларинские годы.

Седьмой, рецензируемый, выпуск СОРЯ включает слова от *зажать* до *земь*, что примечательно хотя бы потому, что в составе этого алфавитного перечня большую часть занимает глагольная и отглагольная лексика с характерной приставкой *за-*, имевшей в рассматриваемый период множество значений, в том числе, возможно, и синкретичных, и, возможно, не сохранившихся в современном языке. Это, безусловно, затрудняет и толкование слов (особенно с неясной, диалектной или просторечной, семантикой), и, что также чрезвычайно важно, грамматическую квалификацию

слова, иногда имеющего в отобранных источниках немногочисленные словоупотребления. При отсутствии акцентной характеристики слова (что понятно!), при частом отсутствии «начальных форм» в привлеченных источниках и необходимой в таких случаях ее реконструкцией можно представить, какого достоверного тщания и несметного усердия потребовалось от авторов этого тома, чтобы: а) не впасть в беспредметное домысливание о судьбе и значении толкуемого слова; б) учитывая жанр, «руку», традицию текста-источника, увидеть в приведенном, пусть

небольшом, контексте то самое, вычленяемое из него значение; в) быть до конца честными в трудновосстанавливаемых толкованиях, что выражается (по давней традиции) постановкой ? в зоне лексического значения словарной статьи.

В предисловии указывается, что при полном соблюдении давно заведенных в авторском коллективе СОРЯ правил, в 7-м выпуске допускается ряд новшеств, которые касаются, во-первых, подачи слов на 3- и в3- (во3-) со схожей семантикой, во-вторых, — принципов отсылок к словам, извлеченным из еще не опубликованных материалов, в-третьих, указаний на новые источники и новую помету (*общ.*). Так называемые новшества свидетельствуют о живой, непрекращающейся работе внутри Словаря, о развитии и продолжении идей проф. Ларина в лексикографической практике его продолжателей.

Внимательно вчитываясь в известную — программную для СОРЯ — статью Б. А. Ларина «Заметки о „Словаре обиходного языка Московской Руси“», принимая во внимание опыт прошлых выпусков и, наверняка, жарких споров по составу картотеки и конечному выведению словника, понимаешь, что ключевой проблемой для составителей остается определение границ «обиходности» того речевого материала, который находит отражение в привлеченных источниках. Так, Борис Александрович пишет: «Отбираем всё, что считаем не чисто книжным, <...> а лишь то, что можно считать народным, русским и обиходным»². Однако в рецензируемом выпуске встречаем слова, конечно, собственно книжные: например, несомненная научная калька, причем данная здесь без всяких помет:

ЗВАТЕЛЬНЫЙ, прил. (1) *Название одного из надежд.* Падежь Casus... звательный Vocativus. *Лудольф*, 2, 1696 г. (с. 237). И по морфологическим чертам, и по употреблению такие слова вряд ли можно отнести к тем книжным, что допускаются Лариным для включения в СОРЯ: «славянизмы, широко известные и употребительные в разных жанрах письменности Московской Руси»³. Все-таки ларинское выражение «разные жанры письменности» означает (здесь) их множество и разнообразие, а принцип дифференциального словаря предполагает, видимо, фиксацию не всякого (тем более — единичного) употребления слова в избранных источниках.

С этой же, видимо, неразрешимой проблемой, связаны и наши вопросы относительно слов, квалифицируемых как «фольклорные».

Во-первых, в списке источников указаны собрания четырех жанровых разновидностей русского фольклора — исторические песни, лирические песни, былины, заговоры. Фактом их включения в Словарь является, как ясно из списка источников, датировка сборников. Если это так, то почему-то среди них нет известного собрания «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков» (Изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961). Подготовлен казанскими коллегами и «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века: сборник пословиц Петровской галереи» (К. Р. Галиуллин, Д. А. Мартыянов; Казан. гос. ун-т. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2006). К тому же из Предисловия ясно, что материалы лингвографического фонда «Казанский край» и К. Р. Галиуллина привлекались к работе над 7-м выпуском СОРЯ.

Во-вторых, язык фольклора по-разному определяется учеными, но ясно одно — лексический состав устного народного творчества по-особенному «открыт»: в нем живо происходят изменения и включения, характерные для времени бытования фольклорного текста, но сохраняются порой древнейшие, не свойственные данной эпохе, лексические единицы. В таком случае фиксация времени формирования собрания (скажем, заговоров) не является собственно языковым фактом этого времени. Ставилась ли эта проблема — онтология языка фольклора относительно времени его фиксации — при составлении словника СОРЯ?

В-третьих, сложно согласиться с тем, что «звездонька», например⁴, с характерным для разговорного языка диминутивом *-оньк* (*рыбонька*, *Лизонька*, *березонька* и под.), исключительно фольклорное слово. Или глагол «зацарствовать» в значении 'начать править

страной, став царем' (с. 218) с начинательной приставкой *за-*, столь типичной в этом значении для русского языка и поныне, — также только фольклорная единица. Очевидно, что авторы словаря ориентировались на факт фиксации этих и подобных слов в конкретном тексте фольклора. Однако с учетом устойчивого мнения о том, что фольклорный язык — эстетическая сфера разговорного языка или диалекта⁵, а также с трудностью разграничения понятий «разговорный язык» — «фольклорный язык», следует (видимо, для будущего) внимательнее отнестись к этой помете и словам, ею помечаемым.

Отчасти примыкает к вопросу о природных свойствах речевой культуры русского человека XVI–XVII вв. и следующий — о квалификации антропонимов, типа **Заяц**, в качестве прозвищ: **ЗАЯЦ**. *Некалендарное мужское имя и прозвище.* Дер. Савкино вопчѣ с-Ыгнатъемъ съ Наумовымъ: дв. Пашко Самуйловъ да Заецъ, пашни въ поле 3 коробыи, а доходу даютъ попомъ 2 четверти ржи, овса то-жъ, да за мѣлкой доходъ денгами 4 алтыны и 4 ден. *Кн. переп. Бежецк. пят., 963, 1564 г* (с. 233).

Вот как пишет о подобных именах в одной из статей А. Соболевский: «Русские не только в эпоху язычества, но и после принятия христианства, почти до конца 17 века, употребляли свои нехристианские имена. <...> Между мужскими именами мы имеем такие, которые употреблялись как нарицательные, означивая животных и растения. <...> Старые русские памятники оставили нам Барана Филиппова, Заяца Захарьина и т. д.»⁶. Возможно, что в приведенном контексте иллюстрации словарной статьи **ЗАЯЦ** (как и в ряде схожих), где присутствует монолог-нарратив одного из участников действия, человек (известный всем) назывался не по прозвищу, а по собственному имени. Оно (это, возможно, языческое имя) — в силу некоей архаичности к XVI–XVII вв. — могло быть настолько характерным и индивидуальным, что и не требовало фамилии. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского⁷ имя **Заяц** (в одной строке: **Заяц, Заяцёвы**) отмечено как весьма распространенное на Руси XVI века. Однако над этим стоит еще раз подумать, сопоставить факты по исторической ономастике с данными привлеченных памятников и не спешить с выводами. Это всего лишь возникший в ходе чтения работы вопрос к творческому коллективу, повод для заинтересованного разговора при обсуждении подобных случаев.

Высокая квалификация и бесспорная увлеченность авторов Словаря своей работой — верный залог успешного завершения намеченного этапа лексикографического труда и уверенного его продолжения

(Окончание на с. 120)

России. Использование таких лексикографических источников в практике обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному позволит оптимизировать процессы расширения знаний о «малой родине» и социокультурной адаптации в регионе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинovieva E. I., Yurkov E. E. Лингвокультурология: Теория и практика. СПб., 2009.
2. Краснопеvцев В. П. Улицы Пскова: история в названиях. Псков, 1994.
3. Никитина Т. Г. Русский язык в эстонской гимназии: новые концепции лексикографического обеспечения // Социальные варианты языка — IX. Матер. междунар. научной конф. Нижний Новгород, 2016. С. 109–112.
4. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Актуальный молодежный лексикон: Псков — 2015–2016. Лингвосоциокультурологический словарь. Псков, 2016.
5. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Словарь городской топонимии для иноязычного адресата: аспекты и приемы учебной репрезентации материала // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 56–62.
6. О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / Сост. М. П. Варламова, Г. В. Галактионова, Л. С. Головина и др. Псков, 2012.

7. Псковская энциклопедия / Гл. ред. А. И. Лобачев. Псков, 2003.
8. Традиционный быт псковских крестьян. Опыт регионального этнолингвистического словаря / Ред. Н. В. Большакова. Псков, 2012.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987.

REFERENCES

1. Zinovieva E. I., Yurkov E. E. (2009) *Lingvokulturologiia: Teoriia i praktika [Linguoculturology: Theory and Practice]*. St. Petersburg. (in Russian)
2. Krasnopevtsev V. P. (1994) *Ulitsy Pskova: istoriia v nazvaniakh [Streets of Pskov: history in the nominations]*. Pskov. (in Russian)
3. Nikitina T. G. (2016) *Russkii iazyk v estonskoi gimnazii: novye kontseptsii leksikograficheskogo obespecheniia [Russian language in the gymnasium of Estonia: new concepts of the lexicographical support]*. In: *Sotsialnye varianty iazyka — IX [Social variants of the language — IX]*. Proceedings of the International Scientific Conference. Nizhni Novgorod, pp. 109–112. (in Russian)
4. Nikitina T. G., Rogaleva E. I. (2016) *Aktualnyi molodezhnyi leksikon: Pskov — 2015–2016. Lingvosotsiokulturologicheskii slovar' [Actual youth lexicon: Pskov 2015–2016. Linguoculturology dictionary]*. Pskov. (in Russian)
5. Nikitina T. G., Rogaleva E. I. (2016) *Slovar' gorodskoi toponimii dlia inoazychnogo adresata: aspekty i priemy uchebnoi reprezentatsii materiala [Dictionary of the urban toponymy for the foreign recipient: aspects and techniques of teaching material representation]*. *Russkii iazyk za rubezhom [Russian language abroad]*, no. 4, pp. 56–62. (in Russian)
6. Varlamova M. P., Galaktionova G. V., Golovina L. S. et al., comp. (2012) *O chem rasskazyvaut gorodskie nazvaniia. Uchebnyi lingvokulturologicheskii slovar' [What tell the city names. Linguocultural dictionary for students]*. Pskov. (in Russian)
7. Lobachev A. I., ed. (2003) *Pskovskaia entsiklopediia [Pskov Encyclopedia]*. Pskov. (in Russian)
8. Bol'shakova N. V. (2012) *Traditsionnyi byt pskovskikh krest'ian. Opyt regional'nogo etnolingvistikheskogo slovaria [The traditional life of the peasants of Pskov. The experience of regional ethno-linguistic dictionary]*. Pskov. (in Russian)
9. Fasmer M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*, in 4 vols. Moscow. (in Russian)

[представляем новые книги. рецензии]

СЛОВАРЬ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.

(Начало на с. 112)

в других выпусках. Совершенно очевидно, что все проблемы и вопросы, больше — технического порядка, будут счастливо и профессионально разрешены в будущем. Уже сейчас, в 7-м выпуске, совершенно ясно, что перед нами надежное и сверхсодержательное лексикографическое издание, способное стать, как и замыслил Б. А. Ларин, «источником для множества исследований, наблюдений и размышлений, а вместе и богатым собранием фразеологии, этих сгустков и самородков народной мысли, опыта мудрейших, самоцветов слова безвестных и тем не менее чудо-умельцев, гениев русского языка!»⁸. Сказанное — в свою очередь — означает, что слаженный коллектив СОЛЯ верен идеям зачинателя этого важнейшего для исторической лексикологии словаря и готов к работе над последующими выпусками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. ст. СПб., 2003. С. 657.

- ² Там же. С. 658.
- ³ Там же. С. 659.
- ⁴ **ЗВЕЗДОНЬКА**, ж. (1) Флк. Ласк. → звезда 1. — О смерти Федора Ивановича. Эх да, как угасла-то свеча местная, закатилась-то звезда, поднебесна моя светла звездонька — не стало млад царевича. *Ист. песни*, 454, XVI в. (с. 246).
- ⁵ См., напр.: Праведников С. П. Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010.
- ⁶ Соболевский А. Нехристианские имена славян // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 126–129. С. 127.
- ⁷ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 121.
- ⁸ Ларин Б. А. Указ. соч. С. 657.

Т. С. Садова,
д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного университета